

Слепцова Лина Владимировна

магистрант

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный

университет им. М.К. Аммосова»

г. Якутск, Республика Саха (Якутия)

СООТНОШЕНИЕ ЛИРИЧЕСКОГО И ЭПИЧЕСКОГО В РАССКАЗЕ И. БАБЕЛЯ «В ПОДВАЛЕ»

Аннотация: в статье рассматривается проблема соотношения лирического и эпического, выраженного понятием «прозиметрия». На примере рассказа И. Бабеля «В подвале» выявлено влияние поэтического текста на смысловую интерпретацию и структурную организацию прозаического текста.

Ключевые слова: роды литературы, прозиметрия, строфа, мотив, образ, организация текста.

Словесно-художественные произведения издавна принято объединять в три большие группы, именуемые литературными родами. Это эпос, драма и лирика. Хотя и не все созданное писателями (особенно в XX в.) укладывается в эту триаду, она поныне сохраняет свою значимость и авторитетность в составе литературоведения.

Роды литературы не отделены друг от друга непроходимой стеной. Наряду с произведениями, безусловно и полностью принадлежащими к одному из литературных родов, существуют и те, что соединяют в себе свойства каких-либо двух родовых форм – «двуходовые образования» [1, с. 223]. О произведениях и их группах, принадлежащих двум родам литературы, на протяжении XIX–XX вв. говорилось неоднократно. Так, Шеллинг характеризовал роман как «соединение эпоса с драмой» [5, с. 25]. Отмечалось присутствие эпического начала в драматургии А.Н. Островского. Глубоко укоренена в словесном искусстве лироэпика, включающая в себя лироэпические поэмы (упрочившиеся в литературе, начиная с эпохи романтизма), баллады (имеющие фольклорные корни), так называемую

лирическую прозу (как правило, автобиографическую), произведения, где к повествованию о событиях «подключены» лирические отступления, как, например, в «Дон Жуане» Байрона и «Евгении Онегине» Пушкина.

Особенное проявление соотношения лирического и эпического выражается понятием «прозиметрия». Прозиметрия – такой способ ритмической организации текста, при котором стихотворные и прозаические фрагменты по тем или иным законам чередуются внутри одного текста» [4, с. 351].

В качестве предмета исследования нами был взят рассказ И. Бабеля «В подвале», опубликованный в журнале «Новый мир» в 1931 году. В данном произведении Исаак Бабель возвращается к теме, занимавшей важное место в его «Конармии» и в других его рассказах 1920-х годов, – взаимосвязи искусства и жизни.

В текст рассказа включены лирические отрывки монолога Антония, склонившего над трупом Цезаря.

Мы замечаем, что в эпических фрагментах зарождаются лирические «мотивы» и «образы», которые, в свою очередь, внутренне подготавливаются эмоционально-лирическим состоянием автора-героя, и этот глубоко мотивированный общим поэтическим содержанием рассказа взаимопереход эпического в лирическое и наоборот составляет ее основной идеино-композиционный принцип.

Такими образами можно считать «грамматики на всех языках и шестьдесят шесть томов Талмуда». Упоминание этих масштабных исторических произведений, «которых нельзя не увидеть ни в каком другом доме», как бы подготавливает читателя ко встрече с такой же масштабной по смыслу и эмоциональной речью великого римского полководца Антония в устах автора:

*О римляне, сограждане, друзья,
Меня своим вниманьем удостойте.
Не восхвалять я Цезаря пришел,
Но лишь ему последний долг отдать.*

Эти строфы, написанные пятистопным ямбом, неожиданно прерываются прозаической строкой: «Так начинает игру Антоний. Я задохся и прижал руки к

груди», словно напоминая читателю о том, что чтение монолога происходит в обычной ситуации, но затем снова – переход к стихам.

Чем интересна отсылка к римскому полководству – это тем, что и ученика Боргмана тоже зовут Марк, как и Антония.

Далее, хотя на границах стихотворных и прозаических фрагментов пьесы большая часть переходов от стиха к прозе и наоборот носит характер контраста, однако многие сугубо вспомогательные компоненты текста – экспозиционные замечания, ремарки – во многих случаях тоже оказываются вовлеченными в сложную метрическую игру, то совпадая с основным метром трагедии и нарушая тем самым его стопность, то не совпадая с ним и создавая еще более сложную полиметрию. Так, рассмотрим отрывок:

Бобка молчала. Лейках пропищал что-то Симон-Вольфу. Чтобы заглушить змеиное его шипение, чтобы заглушить мою тревогу, я закричал словами Антония:

*Еще вчера повелевал вселенной
Могучий Цезарь; он теперь во прахе,
И всякий нищий им пренебрегает.
Когда б хотел я возбудить к восстанию,
К отмщению сердца и души ваши,
Я повредил бы Кассию и Бруту,
Но ведь они поченнейшие люди...*

Фраза «чтобы заглушить змеиное его шипение, чтобы заглушить мою тревогу» носит в себе определенную метрическую схему,озвучную с последующим стихотворным текстом, что отсылает нас к тому же пятистопному ямбу с включением пиррихия.

Не стоит и забывать о способах выразительности, придающих прозаическому тексту признаки поэтического: аллитерация звука «ш» («заглушить», «шипение»), а также анафора («чтобы заглушить») дают понять, что перед лириче-

ской частью текста и сама проза организуется особым образом. Частичная метризация, употребление выразительных средств – все это обеспечивает, таким образом, плавный переход от стиха к прозе.

Особая выразительность чувствуется в следующем стыке прозы и стиха:

Я был мертв, и я кричал. Хрипение поднималось со дна моего существа.

Коль слезы есть у вас, обильным током

Они теперь из ваших глаз польются.

«Я был мертв, и я кричал» – благодаря повторению «я» фиксируется внимание читателя, тем самым усиливается роль сказанного в тексте. Повтор придает связность, подчеркивает важнейшие мысли, подчеркивает упорядоченность построения высказывания.

Но так же, как проза может подготовить нас к стихотворному тексту до его начала, так и стихотворный текст может наложить свои законы после своего завершения. Читаем:

Коль слезы есть у вас, обильным током

Они теперь из ваших глаз польются.

Всем этот плащ знаком. Я помню даже,

Где в первый раз его накинул Цезарь:

То было летним вечером, в палатке,

Где находился он, разбив неврийцев.

Сюда проник нож Кассия; вот рана

Завистливого Каски; здесь в него

Вонзил кинжал его любимец Врут.

Как хлынула потоком алым кровь,

Когда кинжал из раны он извлек...

Ничто не в силах было заглушить Симон-Вольфа. Бобка, сидя на полу, всхлипывала и сморкалась. Невозмутимый Лейках двигал за перегородкой сундук.

Здесь мы видим, что в прозаической части встречается метрические фрагменты: так, уже первая фраза прозаической части текста содержит метр, тем самым создавая впечатление продолжительности поэтического настроения, охватившего слушателей:

«Когда кинжал из раны он извлек...

Ничто не в силах было заглушить ...»

И снова перед нами явная аллитерация. На этот раз звуки «л» и «ж», «ш» создают целостную картину восприятия и являются связующими нитями в данном отрезке текста.

Даже предложение в конце рассказа подпадает под влиянием особой метрической организации текста:

Навоевавшись за день, он ночью никогда не просыпался.

Таким образом, приходим к выводу, что рассказ И. Бабеля «В подвале» можно считать ярким примером соотношения лирического и эпического в тексте русской литературы, тогда как, в первую очередь, прозиметрия в классическом понимании вообще была достаточно распространена в европейской и в восточной литературе Средневековья и Возрождения. При этом стихотворная часть всегда противопоставлялась прозаической не только графически, но и с помощью особых маркеров – так, в старофранцузской повести «Окассен и Николет» стихотворным главам предшествует указание «Здесь поется», а прозаическим – «Говорят, рассказывают и повествуют». Соответственно, границы стиха и прозы в классическом прозиметруме были принципиально непроницаемыми [2, с. 18]. Очевидно, что все эти эксперименты, несмотря на разные цели, осуществлению которых они призваны были служить, можно рассматривать в одном ряду: во-первых, как вдохновленные непривычной для русского слуха и глаза прозиметрией шекспировских пьес, во-вторых, как разные варианты смягчения и усовершенствования этой прозиметрии, ее приспособления к русскому глазу и слуху [3, с. 87].

Однако при анализе эпических и лирических текстов не стоит упускать тот момент, что на первый взгляд простая, «правильная» картина может серьезно

осложняться активным присутствием в прозаических частях «случайных метров» – фрагментов прозаического текста, которые могут быть прочитаны как аналоги стихотворных строк или по крайней мере не противоречат такому прочтению.

Список литературы

1. Корман Б.О. Опыт описания литературных родов в терминах теории автора (субъектный уровень) // Проблема автора в художественной литературе. – Вып. 1. – Ижевск, 1974. – С. 219–224.
2. Орлицкий Ю.Б. «Грех на твоей душе, божественный Шекспир» (Кюхельбекер). Драматургия Шекспира как один из источников русской прозиметрии // Драма и театр: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – Вып. II. – С. 17–23.
3. Орлицкий Ю.Б. Динамика стиха и прозы в русской словесности. – М., 2008.
4. Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе. – М: РГГУ, 2002. – 680 с.
5. Шеллинг Ф.В. Философия искусства. – М., 1966. – 380 с.